

А.С. РУСЯЕВА, А.В. ИВЧЕНКО

НОВОЕ ГРАФФИТО ИЗ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

В многочисленной литературе о граффити Ольвии и ее хоры этот вид эпиграфических источников из раскопок некрополя занимает, как давно известно, сравнительно скромное место. Поэтому каждая новая надпись с его территории, тем более оригинальная и полностью сохранившаяся, вполне закономерно привлекает к себе особое внимание и требует по возможности всестороннего рассмотрения. К их числу принадлежит совсем недавно найденное на ольвийском некрополе граффито, которое впервые вводится в научный оборот.

В 2013 г. на участке, расположенном к югу от раскопов Б.В. Фармаковского (1901–1903 гг.) и к западу от исследованных в 1980–2000 гг. Ольвийской археологической экспедицией, в слое рыжей слабогумусированной супеси на глубине 0,80 м от современной дневной поверхности была обнаружена небольшая аттическая чернолаковая чашка на невысоком поддоне со слегка загнутым внутрь краем с граффито¹ (рис. 1, 1). Еще в древности она была разбита или раздавлена на восемь частей, но все они лежали компактно *in situ* по близости друг от друга. В настоящее время она полностью реставрирована. Ее размеры: диаметр венчика 9,3 см, дна – 3,8 см; высота – 3,25 см. По форме, приблизительным размерам и качеству лака чашка относится, соответственно классификации чернолаковой столовой посуды с афинской агоры, к типу *bowl incurving rim* и датируется предположительно в пределах второй-третьей четверти IV в. до н. э. [ср. Sparkes, Talcott, 1970, pp. 131-132, pl. 33]². На внешней и особенно с внутренней стороны на венчике имеются множественные пятна стертого лака и мелкие сколы, что может свидетельствовать о том, что чашка была отнесена на некрополь после неоднократного использования в быту.

Граффито процарапано по окружности внутри чашки ниже венчика на сравнительно лучше сохранившейся чернолаковой поверхности без видимых следов разметки в два ряда. Верхний (0,9 – 1,2 см от края венчика) полностью заполнен разными по ширине и высоте и на разных расстояниях буквами: НΡΟΦΙΛ

¹ Инв. № 156. Раскопки проводились под руководством А.В. Ивченко в составе Ольвийской археологической экспедиции (начальник А.В. Буйских).

² Полная аналогия чашке из афинской агоры по форме и размеру № 828 относится к 375-350 гг.; близкие, но более крупные - №№831-839 – в основном датируются 350-325 гг. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pp. 131-132].

ΟΣΑΘΗΝΑΙΟΣΑΓΑΘΑΡΚΟΣΑΝΤΟΔΩΡΟΣΔΙΟΚΛΗΣΕΟΚΛΗΣΑΡΧΙΒΙΟΣ; нижний – непосредственно под ним – только частично: ΕΟΒΟΥΑΝΤΥΚΟΤΑΔΙΔΩΡΟΣ (рис. 1, 2; 2, 1). В первом из них в одном месте (ΑΡΧΙΒΙΟΣ) прослеживается, в отличие от других, более сжатое расположение букв: они несколько меньше по высоте и написаны одна к другой почти без промежутков, за исключением последней размашистой *сигмы*. На основании этого можно предполагать, что таким образом завершалась верхняя часть надписи. В определенной степени это подтверждается и тем, что конец несколько вытянутой вниз косой черточки *сигмы* в ΑΡΧΙΒΙΟΣ соединен с верхней горизонталью *эпсилона*, от которого под первым рядом в одинаковой манере (судя по общему облику шрифта и сходства отдельных букв, хотя и более крупных) была продолжена надпись.

Исходя из такого понимания, достаточно легко в данном граффито можно прочесть 10 разных антропонимов в именительном падеже без патронимиков: 8 – мужских и сугубо предположительно 2 – женских. Таким образом оно начинается с имени ΗΡΟΦΙΛΟΣ, после него следуют: ΑΘΗΝΑΙΟΣ, ΑΓΑΘΑΡΚΟΣ, ΑΝΤΟΔΩΡΟΣ, ΔΙΟΚΛΗΣ, ΕΟΚΛΗΣ, ΑΡΧΙΒΙΟΣ; внизу во втором ряду: ΕΟΒΟΥΑΝ, ΤΥΚΟΤΑ, ΔΙΔΩΡΟΣ.

В общем, граффито сохранилось полностью без значительных повреждений, за исключением *тетты* в двух именах и *ро* в последнем имени. Высота букв колеблется от 0,3 до 0,5 см. К особенностям его шрифта можно также отнести неодинаковые формы отдельных букв: *альфа* размашистая, разной высоты; столь же и *дельта* растянута по горизонтали и ее левая гаста, выходя за горизонталь, длиннее правой; *iota* то короче соседних букв, то находится с ними в одном ряду; *эпсилон* с укороченной средней гастой, но с разными по длине верхней и нижней горизонталями; широкая *эта* имеет неодинаковые по высоте, иногда даже слегка изогнутые гасты; усики сравнительно небольшой *каппы* сближены то по центру, то ниже вертикали, в одном случае не соприкасаются с ней; *лямбда* в двух именах, в частности в ΔΙΟΚΛΗΣ, имеет необычно широко растянутые в обе стороны косые гасты; левая гаста единственной *ню* изогнута, правая высоко приподнята; *омикроны* разной величины и округлости; ближе к меньшей по размеру дужка *ро*, на низкой, как *тау* и *ипсилон*, ножке; четырехчленная *сигма* также разной высоты и формы; *фи* – с овальной формы завитками; *омега* в ΑΝΤΟΔΩΡΟΣ более крупная и менее аккуратная, чем в последнем имени ΔΙΔΩΡΟΣ. В отдельных местах буквы соприкасаются между собой в нижней части.

Все эти отличия объясняются, разумеется, как сложностью нанесения надписи на внутренней стороне небольшой чашки, так, по-видимому, и возрастом автора, а также характерными особенностями его почерка, в котором прослеживаются даже более ранние, – по сравнению с относительной датировкой чашки, – размашистые начертания отдельных букв, формы *ню* и сравнительно крупного *омикрона* в первом имени второго ряда³. В той или иной степени близкие по палеографии ольвийские

³ К тому же в отдельных буквах заметна некоторая поспешность при их прочерчивании: так, в одних именах *омикрон* округлый, в других заметно, как соскальзывал в ту или иную сторону инструмент. То

надписи на керамике и свинцовых пластинках еще без лунарной *сигмы* относят-ся в своем большинстве к IV в. до н. э. [например, ср.: Толстой, 1953, №№ 7, 50, 63; Яйленко, 1980, 3, с. 80; с литературой см. Dubois, 1996, p. 63, 72, 120, 171; Тохтасьев, 2002, с. 72; Русяева, 2010, №№ 155-158 и другие].

Представленные в данном граффито имена заслуживают хотя бы краткого ком-ментария⁴, что в той или иной мере должно способствовать выяснению самого слож-ного вопроса о его назначении, который неизбежно возникает при его осмотре. С этой целью ниже приводится каждое имя в сопоставлении с аналогичными именами, известными по публикациям прежде всего ольвийских хронологически близких эпи-графических источников.

‘Нρóφιλος – «Герофил» – теофорное имя, производное от имени богини Геры⁵. Оно зафиксировано в разновременных надписях Ольвии доримской эпохи: в агораномном клейме последней трети IV – первой половины III вв. до н. э. [Рубан, 1982, с. 35], в единственном большом каталоге имен ольвиополитов [IOSPE, I², 201, Π, 36]⁶ и в закля-тиях на двух свинцовых пластинках из некрополя. Последние имеют для нас наиболь-шее значение, поскольку хронологически относительно близки нашему граффито.

На первой из них, найденной во время раскопок некрополя Ю.И. Козуб и передан-ной для публикации Ю.Г. Виноградову, в общем с двух сторон вместе с патронимика-ми прочерчено 16 имен, среди которых дважды отмечено имя ‘Нρóφιλος: сначала как отчество Артемидора, а в конце пятой строки – отдельно без патронимика [Vinogradov, 1994, p. 103-108, fig. 1]. Первоиздателем из-за лунарной сигмы надпись продатирована концом IV в. до н. э. [Vinogradov, 1994, p. 105], но вскоре переиздавший ее Л. Дюбуа отнес к более раннему времени: 360-340 гг. до н. э. [Dubois, 1996, p. 173].

Еще одно имя ‘Нρóφιλος как отчество Анаксимена сохранилось в надписи на прямоугольной свинцовой пластинке, также найденной на территории ольвийского

же характерно и для других букв: *альфы*, *дельты*, *иоты*, *сигмы*. В итоге все вместе взятое привело, ве-роятно, к тому, что для размещения в первом круге имени ΑΡΧΙΒΙΟΥΣ осталось мало места, вследствие чего пришлось писать буквы ближе друг к другу, что, как сказано ранее, и послужило поводом видеть здесь окончание первого ряда граффито. Бросается в глаза и стремление автора разместить без переноса все имена. Нельзя достоверно установить, имели ли для него важное значение порядок размещения имен и количественное соотношение букв в каждом ряду.

⁴ Несомненно, что редкие имена из данного граффито в дальнейшем привлекут внимание специали-стов по ольвийской ономастике и антропонимии, которые смогут более аргументированно выяснить их особенности, в том числе ионийские диалектологические, и привести аналоги из разных городов античного мира.

⁵ Следует отметить, что в эпиграфических источниках Ольвии, как и в других античных городах, за-фиксировано сравнительно много разновременных и разнообразных теофорных имен, которые косвен-ным образом свидетельствуют о культуре Геры и ее праздниках: например, Герагор, Герогейтон, Героген, Геродор, Геродот, Героксен, Геросонт, Герофил [ср.: LGPN, IV; V A].

⁶ Относительно имен в данном каталоге высказаны разные точки зрения известных эпиграфистов: после комментария В.В. Латышева [IOSPE, I², 201] он считается то каталогом имен ольвийских гражд-дан [например, см. и ср.: Книпович, 1956, с. 130-131; Яйленко, 1990, с. 281-282], то диахронным каталогом ольвийских жрецов-эпонимов [Виноградов, 1981, с. 145; Vinogradov, 1997, S. 159]. Соот-

некрополя парутинскими коллекционерами, и предоставленной для публикации С.Р. Тохтасеву благодаря В.В. Крапивиной [Тохтасев, 2000, с. 296, 308-311, рис. 2, 1]. По форме отдельных букв, в частности, лунарной *сигмы*, маленького *омикрона* и соответствующей дужки у *rho*, но относительно крупных у *фи*, а также написанию 'Προφίλου, эту пластинку, по мнению С.Р. Тохтасьева, можно датировать серединой – второй половиной IV в. до н. э. [Там же, с. 308].

Исходя из рассуждений этого исследователя ольвийских заклятий, изданную Ю.Г. Виноградовым пластинку с именами, которая является ближайшей аналогией вышерассмотренной, следует, по-видимому, поставить в такие же сравнительно широкие хронологические рамки. Как уже сказано, наше граффито имеет и другие формы букв, поэтому опираться при его датировке только на палеографические особенности без учета чашки вряд ли стоит. Другое дело, что она уже частично изношена, и надпись на ней могла быть нанесена немолодым человеком, научившимся писать несколько раньше второй четверти – середины IV в. до н. э. без применения лунарной *сигмы* и других изменений в буквах. Несмотря на определенные расхождения в датировках, представляется, что идентичное имя Герофил в списках на двух пластинках и чашке из некрополя принадлежало если не одному человеку, то лицам, связанным между собой родственными узами, которые в разное время подвергались заклятиям.

'Αθήναϊος – «Афеней» или «Атений» – теофорное имя, производное от имени богини Афины, почитавшейся в Ольвии с VI до н. э.⁷ [Древнейший теменос, 2006, с. 129]. В догетский период аналогичные имена в надписях Ольвии не многочисленны. Среди них можно отметить Афенея, сына Конона – одного из коллегии ситонов при секретаре Афенодоре, сыне Демагора, в их посвящении Герою Благосклонно Внемлющему конца III – первой половины II вв. до н. э. [НО, 72]. Афеней также присутствует в вышеупомянутом каталоге имен ольвиополитов [IOSPE I², 201, I, 48].

Как и относительно Герофила, важное значение имеет наличие такого же имени в списках лиц на свинцовых пластинках из некрополя. Наиболее близки по времени к граффито на чашке две ольвийские свинцовые пластинки IV в. до н. э. Первая из них найдена еще в 1894 г. и была опубликована разными исследователями [Диль, 1915, с. 53; Dubois, 1996, № 103 – с литературой]. Список состоял из 8 мужских имен

ветственно существуют и разные его датировки: III-II вв. до н. э. (по В.В. Латышеву); последняя треть III в. (по В.П. Яйленко); не ранее II в. до н. э. (по Т.Н. Книпович); конец II – первая половина I вв. до н. э. (по Ю.Г. Виноградову). Поскольку каталог сохранился частично, не имеется пока достоверной аргументации, с какой именно целью на мраморной плите были зафиксированы имена ольвиополитов. Учитывая сведения из хронологически близкого к каталогу декрета в честь Протогена о бегстве из Ольвии в период войн и неурожаев многих богатых граждан [IOSPE, I², 32], можно также предполагать, что в нем были увековечены те ее полноправные политы, кто способствовал преодолению экономического кризиса и выживанию беднейших слоев населения.

⁷ Аналогичное теофорное имя было очень популярным в Аттике, особенно в Афинах, где Афина выступала в ипостаси сакральной Владычицы этого города и занимала главное место в пантеоне, а также в Беотии, Фессалии и Ионии [см. LGPN, II; III B; V A: 'Αθήναϊος].

в именительном падеже без отчества, среди которых Ἀθήναιος занимал четвертое место после Афенодора – тоже теофорного от Афины⁸.

Из-за крайне плохой сохранности найденная в 1908 г. вторая пластинка была издана впервые в 1994 г. [Vinogradov, 1994, p. 108-111; ср. Dubois, 1996, № 102]. Надпись на ней прочерчена очень небрежно, по сути примитивно, хотя полностью сохранившееся в ее конце (пятое по счету) имя Ἀθήναιος не вызывает сомнений⁹.

Конечно, наличие трех лиц с одинаковым именем в заклятиях на свинцовых пластинках и на чашке даже при доказательстве их абсолютной синхронности, – а для этого, к сожалению, не имеется пока никаких достоверных источников, – еще не дает оснований утверждать, что это действительно один и тот же человек, хотя негативное, преисполненное ненависти отношение к нему со стороны разных ольвиополитов и возможно, как и к Герофилу. Тем более, если оно продолжалось в течение их долговременной жизни и деятельности.

Ἀγῶθαρκος – «Агатарк» – сравнительно редкое имя [см. LGPN, II; III В.; IV; V А: Ἀγῶθαρκος]. Аналогичное окончание в имени, но первом и единственном до нашего граффито, зафиксировано лишь в письме Артикона на небольшой свинцовой прямоугольной пластинке [Латышев, 1904, с. 10-13; Syll³ 1260]. По предположению В.В. Латышева, она была найдена в Ольвии, что принято большинством исследователей. Однако не исключается и ее происхождение с Борисфена (Березанского поселения), поскольку пластинка находилась в коллекции коллекционера Левицкого из Очакова [см. литературу: Книпович, 1956, № 174; Dubois, 1996, p. 63; Яйленко, 1998, с. 110, сн. 73]¹⁰.

Ученые с разных точек зрения трактуют ольвийское имя Ἀγῶθαρκος. По мнению одних, его следует исправить на Ἀγῶθαρχος из-за диссимилиции придыхательных [Dubois, 1996, p. 65; Тохтасьев, 1999, с. 179, сн. 45; LGPN, IV: Ἀγῶθαρ(χ)ος]. С такой трактовкой не согласен В.П. Яйленко. В сопоставлении с иными рядовыми именами из письма Артикона, он считает, что имя Ἀγῶθαρκος «некоторые из прежних исследователей исправляли... напрасно: в окружении «низких» имен это аристократическое имя выглядит белой вороной», поэтому его «лучше трактовать в бытовом контексте и считать прозвищем «хорошо держащий», т.е. «хват» [Яйленко, 1998, с. 114].

Однако, в списке имен на чашке имя Агатарк в таком же написании, как и в письме, расположено среди теофорных аристократических имен, что дает право относить его к сходным по социальному рангу именам, что подтверждается и его композит-

⁸ В отличие от других исследователей, эта надпись датировалась Т.Н. Книпович III в. до н. э. [1956, № 178].

⁹ Здесь мы не учитываем более позднюю надпись на свинцовой пластинке, опубликованную еще В.В. Шкорпиллом. В ней зафиксировано 22 мужских имени тоже в именительном падеже без отчества, где Афеней занимает восьмое место [Шкорпил, 1908, с. 70-71]. Она также не имеет однозначной датировки: II - первая половина I вв. до н. э. [Там же, с. 71]; первая половина I в. до н. э. [Книпович, 1956, № 177]; II-I вв. до н. э. [Dubois, 1996, № 110].

¹⁰ Находка нового эпиграфического источника на некрополе с точно таким же именем Ἀγῶθαρκος подтверждает точку зрения исследователей о находке письма Артикона в Ольвии.

ным образованием из таких слов, как *ἄγαθός* («хороший, отличный, благородный, знатный») и *ἄρχός* («предводитель, вождь, начальник»). Тем более, что в письме Артикаона не указано социальное положение Агатарка, и по очень краткому не совсем ясному содержанию нельзя достаточно точно его установить.

Попутно заметим, что при раскопках жилого квартала Ольвии в юго-западной части от агоры найден фрагмент местной красноглиняной ойнохой, на котором сохранилось в клейме два имени агораномов в родительном падеже ΑΓΑΘΑΡΧΟ и ΕΥΒΙΟΥΤΟΥ [Рубан, 1982, с. 35, рис. 4, 1]. Подобного типа клейма В.В. Рубан датировал второй половиной III – первой половиной I вв. до н. э. Но сохранение в первом из них ионийского диалекта, а также столь широкие хронологические рамки не исключают и более раннюю его датировку. При сравнении имени агораномы и двух вышеупомянутых имен в частных надписях ясно, что правильное его написание имеется в официальном документе.

Поэтому мы присоединяемся к большинству исследователей, кто считает, что в своей основе под именем *Ἀγαθάρκος* следует понимать *Ἀγαθάρχος*, отмеченное в ольвийском клейме агораномы и хорошо известное в таком написании в Ионии, Аттике, Беотии, Фессалии и других регионах [LGPN, II; III B; V A: *Ἀγαθάρχος*]. На протяжении веков с первыми двумя существовали самые тесные не только экономические, но и культурно-политические связи, что могло найти отражение и в заимствовании ольвиополитами личных имен. Сравнительно редкое в Ольвии, но многозначительное имя давалось, вероятней всего, в той аристократической семье, где родители возлагали уже после рождения сына особенно большие надежды на его будущую государственную деятельность.

Для возможной синхронизации двух источников с одинаковым написанием такого имени нелишне привести здесь большие расхождения в датировке письма Артикаона эпиграфистами: первая половина IV в. до н. э. [Латышев, 1904, с. 10-13; Книпович, 1956, № 174]; V в. до н. э. [Виноградов, 1971, с. 78]; около 350 г. до н. э. [Dubois, 1996, p. 63]; первая половина V в. до н. э. [Яйленко, 1998, с. 111]¹¹. Если его датировка в пределах первой половины IV в. до н. э., тем более около середины этого столетия, верна, то Агатарк из письма и граффито на чашке представляет собой, видимо, одно и то же лицо. Хотя в общем письмо было прочерчено более небрежно, чем граффито, но при сравнении шрифтов все-таки прослеживаются сходные формы многих букв, что тоже дает возможность предполагать, конечно, лишь относительную синхронность этих источников. Кроме того, нельзя не учитывать, что одинаковое написание имени *Ἀγαθάρκος* зафиксировано пока только в двух рассмотренных ольвийских надписях частного характера.

¹¹ Это лишний раз подтверждает, сколь опасно опираться только на данные палеографии, не учитывая по возможности и самые разные данные: археологический контекст, хронологию вещей, особенности почерков, возраст авторов, уровень и характер образования, знание шрифтов, их изменения и заимствования в тот или иной период истории Ольвии, владение автором отдельных граффити профессией резчика лапидарных надписей полисного значения, сравнение с ними и т.п.

Λητόδωρος – «Летодор» – редкое теофорное (от имени богини Лето) имя, скорее всего, первое в Ольвии. В связи с этим можно отметить и то, что имя Лето упомянуто в хорошо известной надписи на костяной пластине третьей четверти VI в. до н. э. [с литературой см.: Русяева, 1992, с. 14-15]. Но тем не менее культ божественной матери двух знаменитых в греческом мире, в том числе и в Ольвийском полисе, богов Аполлона и Артемиды в разных ипостасях не нашел отражения в эпиграфических памятниках. По сравнению со множеством разнообразных имен, в основе которых стояли их имена (с аналогичным вторым компонентом, например, Аполлодор и Артемидор), теофорные имена от Лето не стали столь популярными. Однако, наличие имени Летодор, хотя и косвенно, свидетельствует все-таки о том, что эта богиня могла почитаться и в Ольвии совместно со своими детьми, на календарно-религиозных праздниках которых вспоминали их мать, как и в Истрии на Западном Понте, где она какое-то время, очевидно, даже имела и самостоятельный культ [ISM 170; Avram, 2003]. Вообще, в античной ойкумене аналогичное имя встречается сравнительно редко [см. LGPN, V A: Λητόδωρος]. Так, в огромном понтийском ареале до-римской эпохи оно значится пока в публикуемом граффито из некрополя, судя по лексикону греческих личных имен [LGPN, IV]; намного позднее, уже во II в. н. э. – в лапидарных надписях Фанагории и Горгиппии (КБН 976, 1179).

Διοκλῆς – «Диокл» – теофорное имя, производное от имени Зевса, второе в Ольвии по известным нам источникам; первое раньше упомянуто без патронимика в том же заклитии на свинцовой пластинке середины – второй половины IV в. до н.э., что и Герофил, отец Анаксимена [Тохтасьев, 2000, с. 308-311]. Имя Диокл в виде отчества Алкмеона находится в списке айсимнетов аристократического религиозного союза мольпов в Милете [Milet, I, 3: 407/406 г. до н.э.]. В отличие от метрополии, оно, по-видимому, было более популярным в Афинах и в Фессалии; значительно чаще, чем в Ольвии, встречается в соседнем Херсонесе Таврическом, но тоже редкое – на Боспоре [ср. LGPN, II; III B; IV; V A: Διοκλῆς]. Хронологические рамки обеих ольвийских надписей с именем Диокл сравнительно близки, однако уверенно считать его одним и тем же лицом затруднительно. Но вместе с тем и не исключено, что он в разные годы разными лицами мог подвергаться заклитию: в обоих источниках его имя поставлено в именительном падеже без патронимика.

Ἐοκλῆς – «Эвкл» – в Ольвии точные аналогии не найдены. Такое имя хорошо известно в Аттике и в Ионии, где оно в большинстве соответствовало местным диалектам [ср. LGPN, II; V A: Ἐοκλῆς и Ἐυκλῆς]. Сходные по первому и второму компонентам имеются в разнообразных именах милетских айсимнетов мольпов [Milet, I, 3]. В ольвийском написании этого имени все еще сохраняется ионийский диалект¹².

¹² Любопытно сравнить в этом аспекте два каталога граждан: вышеупомянутый – милетских айсимнетов, исполнявших свои должности ежегодно с 525/4 по 314/313 гг. до н. э., в котором зафиксировано много различных имен, начинающихся на Εο- [Milet, I, 3], и более поздний – ольвийских граждан либо эпонимов-жрецов, где также много имен, но уже с первым компонентом Ευ- [IOSPE, I², 201], что явля-

Ἄρχιβίος – «Архибий» – тоже не известное пока в Ольвийском полисе мужское имя. При этом обращает внимание, что приставка ἄρχι- в значении «главный, старший» встречается в разных, в том числе именах знаменитых эллинов (например, Архилох, Архимед, Архиде(а)мос и другие), а также в милетском списке айсимнетов. Тем не менее в сочетании с компонентом –βίος (в главном значении «жизнь, свет»), видимо, не пользовалось особой популярностью и в Ионии [LGPN, V A: Ἄρχιβίος, Ἀρχέβιος]. В Афинах аналогичное имя – редкое, в том числе и женское – Ἀρχίβια, но в понтийском ареале зафиксировано только в Македонии [ср. LGPN, II; IV: Ἀρχίβιος]. Вполне вероятно, что такое имя в одном из ольвийских семейств было дано старшему сыну.

Ἐοβοῦλη – «Эвбула» – предположительно, женское имя, в публикациях эпиграфических источников Ольвии не значится¹³. Вообще, исходя из многочисленных разновременных и разнотипных надписей этого полиса, женских имен намного меньше, чем мужских. Аналогичное мужское Ἐόβο(υ)λος Μοιραγόρεω – «Эвбул, сын Мойрагора» поставлено первым в списке лиц с наговором на свинцовой пластинке, найденной якобы случайно возле «Зевсова кургана» и впоследствии переданной коллекционером П.А. Маврогордато в Одесский археологический музей. В публикациях надпись датируется то – IV, то – V вв. до н. э. [ср.: Шкорпил, 1908, с. 69-70; Книпович, 1956, № 207; Яйленко, 1980, 3, с. 86-87; SEG 30, 930; Dubois, 1996, p. 167-168]. Эти данные с учетом значительного количества свинцовых пластинок с заклетами из ольвийского некрополя свидетельствуют о том же его местонахождении: зачастую коллекционеры, как хорошо известно, не получали точных сведений об археологических находках.

Τυκότα – «Тикота» или «Тюкота» – самое сложное для достоверного определения имя, аналогичное ему не удалось найти в доступных для нас источниках. Кроме того, мало и возможных в своей основе сходных слов в разных значениях: τύκος – «молоток, боевая сокира, топор, резец каменотеса и другие»; τύκτος – «мастерски изготовленный, рукотворный» и даже персидское туктá – «парадный царский пир». Поэтому сугубо гипотетически, поскольку Тикота фигурирует в списке установленных греческих личных имен, мы допускаем, что это – женское имя эллинского либо варварского происхождения. Точно также можно предполагать и мужское простонародное имя или прозвище. Более-менее близкие окончания встречаются в Ольвии в женских именах [НО, 97: Πρώτα]; если же в нем пропущена последняя буква, то и в редких греческих мужских [см. Белецкий, 1975, с. 92-98: Ἀγρότας], а также варварских именах [Herod. IV, 81; с литературой см.: Dubois, 1996, p. 11-14; ср. Тохтасьев, 1999,

есть свидетельством перехода на койнэ, в особенности в документах государственного значения [см. Dubois, 1996, p. 173, 183, 194].

¹³ Аналогичное женское имя отмечено в Афинах [LGPN, II: Ἐοβοῦλη]. Отличие состоит в том, что в его написании в Ольвии, как и в мужском Ἐόβο(υ)λος, сохранился ионийский, в частности, милетский диалект, хотя большинство ольвийских личных имен уже имело приставку Ευ- в эллинистический период [см. Книпович, 1956, Приложение; Dubois, 1996, Index].

с. 170-173: 'Αρυοτας и 'Αριαντας]. В таком имени представляется и завуалированная связь с определенным магическим актом, что, в свою очередь, может в той или иной степени дать ключ исследователям заклятий к объяснению назначения граффито, в частности, его отношению к губительной магии. Впрочем, вопрос о его происхождении, конструктивном значении, социально-этнической принадлежности и ономастике требует профессионального лингвистического анализа, поскольку в таком виде, насколько нам известно, оно впервые дано в настоящем списке имен.

Нетрудно заметить, что, судя по соответствующим ольвийским спискам на свинцовых пластинках, заклетиям подвергались, за редким исключением, лица с мужскими именами. Это, а также преимущественное, – если не всеобщее, – участие мужского населения в судебных делах, политической и общественной деятельности, очевидно, стали одной из причин предполагать на вышеупомянутой свинцовой пластинке в женском имени 'Ηραῦορη – «Герагора» сходное мужское имя Герагор [Vinogradov, 1994, S. 103-108; ср. Тохтасьев, 2000, с. 307, прим. 48]. Разумеется, это еще не является прямым доказательством, что женщины вообще находились как вне связи с магическими заклетиями, так и, соответственно, вне сферы судебных разбирательств или каких-либо нарушений полисных и религиозных законов и традиций, например, из одной и той же семьи либо гетеры и домашние рабыни. И все-таки после таких высказываний известных исследователей ольвийских заклятий и при наличии сходной ситуации тоже появляется сомнение относительно женской принадлежности имен Эмбула и Тикота в новом граффито из некрополя, написанных после многих мужских имен в верхнем ряду, но в начале нижнего ряда, который оканчивается также мужским именем.

Δι(δ)δωρος – «Ди(о)дор» – теофорное имя, производное от имени Зевса, видимо, с пропущенным омикроном. Естественно, если это не описка, то нельзя исключать, что таким образом впервые указано локальное произношение имени Диодор в Ольвии. Сходная форма протонародного имени (например, Динис вместо Дионис или Дионисий) отмечена в граффити V в. до н. э. на Березанском поселении [Толстой, 1953, № 79; ср. Dubois, 1996, № 80]. По всей вероятности, имя Диодор не пользовалось особой популярностью среди ольвиополитов, судя по сохранившимся именам, в отличие от Афин [ср. LGPN, II; IV: Διόδωρος]. Даже в Ольвии был похоронен афинянин Диодор, сын Дионисия, о чем свидетельствует его надгробие IV в. до н. э. [IOSPE, I², 210]. Любопытно, что некий Дионисий, сын Диодора (демотикон не известен), посвятил чернолаковый килик Доброму Демону, местонахождение которого в Ольвии точно не установлено [Толстой, 1953, с. 17-18]. Только очень хорошая сохранность этого сосуда и надписи на нем, по мнению Б.В. Фармаковского и поддержавшего его И.И. Толстого, дает возможность думать, что он был положен в могилу дедиканта на ольвийском некрополе, а до его смерти хранился в доме [Там же, с. 18].

При этом нельзя не заметить, что именно в IV в. до н. э. была установлена мраморная плита типа межевого столба Доброго Демона, которую В.В. Латышев правомерно считал доказательством существования его святилища [IOSPE, I², 22].

«Поставленная стоймя на поле, – возражал ему И.И. Толстой, – надпись эта сообщала не о принадлежности данного земельного участка Доброму Гению, а говорила о том, что данный участок земли отдан его владельцем под божественное покровительство Доброго Гения» [Толстой, 1953, с. 18]. Однако, по прошествии многих десятилетий предполагается, что плита стояла не на поле, а на территории Западного теменоса, поскольку была обнаружена здесь до его открытия в заложенной И.Е. Забелиным траншее в 1873 г. [Древнейший теменос, 2006, с. 13-14, 17, 31]. Обращение к сoterическим функциям Доброго Демона как в доме, так и в его маленьком святилище, очевидно, было связано с увлечением отдельными ольвиополитами зловредной магией и увеличением в это время разного типа заклятий, в которых, как видно, фигурировали даже целые списки жителей полиса.

Таким образом, имена в основном – композитные аристократические, половина из них – теофорные, столько же впервые засвидетельствованы в Ольвийском полисе, сложным для достоверного выяснения остается одно: нельзя с абсолютной точностью определить женскую принадлежность двух имен. Краткий комментарий, цель которого заключалась в поиске аналогов как для каждого из личных имен, так и подобного им списка прежде всего в наиболее сходных и хронологически относительно близких ольвийских эпиграфических источниках, показывает, что хотя и немногие из них (Герофил, Атений, Диокл), но уже были известны по магическим наговорам на свинцовых пластинках. Однако абсолютные аналогии граффито на керамической столовой посуде со всем представленным в нем списком имен в именительном падеже без патронимиков пока отсутствуют.

Поэтому для решения вопроса о его назначении необходимо обратить внимание на найденную еще Б.В. Фармаковским при раскопках каменного склепа на ольвийском некрополе в 1912 г. (немногим более сотни лет тому!) красноглиняную чашку с граффито, прочерченным по спирали на внутренней части дна. Как и многие ольвийские надписи, оно имеет разные датировки: первая половина IV в. до н. э. [Диль, 1915, с. 43]; IV в. [Толстой, 1953, с. 45; Книпович, 1956, № 251; Тохтасьев, 2002, с. 74]; 400-350 гг. до н. э. [Dubois, 1996, p. 171]; конец IV в. [Парович-Пешикан, 1974, с. 173].

Конечно, между обеими находками чашек с граффити на некрополе прослеживается ряд заметных отличий. Чернолаковая чашка принадлежала к аттическому импорту, красноглиняная – к местному ольвийскому производству, возможно, являлась имитацией сходного типа чашек¹⁴. Первая из них была просто зарыта неглубоко на

¹⁴ И.И. Толстой определил ее как светлоглиняную чашку [1953, с. 45]. Согласно М. Парович-Пешикан, это, как ни странно, красноглиняная миска с наговором, которая находилась возле стенки склепа предположительно конца IV в. до н. э. [Парович-Пешикан, 1974, с. 173, № 76]. При рассмотрении этого типа столовой посуды автор также отметила широкое распространение в эллинистических погребениях небольших мисочек на кольцевидной подставке, с чуть загнутым внутрь краем, которые имитировали общегреческие образцы [Парович-Пешикан, 1974, с. 86-88]. При этом она не обратила внимания на уже опубликованное к тому времени граффито на одной из таких «мисочек», которую первоиздатели называли чашкой, хотя и упомянула многие граффити на других типах посуды из погребений по публикации И.И. Толстого [1953].

территории некрополя и, вероятно, перед этим там же специально разбита, что предположительно можно считать тоже магическим актом; вторая – положена у стенки склепа, наряду с другим погребальным инвентарем. Граффито на публикуемой чашке прочерчено внутри у венчика по окружности; на красноглиняной из-за наличия большого текста оно развернуто по спирали из трех рядов от верхнего до центра на внутренней части дна (рис. 2, 2).

Однако, самое главное отличие заключалось в содержании всей надписи: «Связываю языки противников по суду и свидетелей, Телесикрата и сыновей Телесикрата, Агрона, Гиппоника, Артемидора, Ахиллодора и остальных всех, кто вместе с ним» [см. и ср.: Диль, 1915, с. 40-43; Толстой, 1953, с. 45-46; Dubois, 1996, p. 171-172]. В этой оригинальной надписи поставлен глагол *καταδέω* – «связываю», что дает все основания, тем более с другими объясняющими словами и ее местонахождением, считать ее наговором, написанным и похороненном в склепе с целью магически предотвратить на судебном заседании обвинительные выступления всех перечисленных в нем лиц с помощью подземных демонических сил. По мнению Б. Браво, в Ольвии с конца VI по III вв. до н. э. был известен один из приемов античной магии: *κατάδεσμος* – «магический узел» [Bravo, 1987, pp. 185-218; 1995, p. 521].

В нашем граффито отсутствует какое-либо объяснение причины написания целого списка имен. В этом аспекте оно является пока единственным граффито именно на внутренней части небольшой чернолаковой изношенной чашки с разными в большинстве аристократическими именами, среди которых имеются как редкие, так и впервые зафиксированные в данном эпиграфическом источнике без отчеств и соответствующего глагола. В связи с этим приходится обращать внимание на списки имен в надписях на свинцовых пластинках. «Тип *defixiones* в виде простого перечня имен в номинативе (иногда с патронимиками) обычен в Ольвии, – считает С.Р. Тохтасьев, изучив ольвийские заклятия на свинцовых пластинках. – Это усеченный, но, вне сомнений, вполне доступный пониманию мрачных сил преисподней вариант формуляра... Впрочем, не исключено, что на самом деле это как раз древнейший тип заклятий», в котором лишь подразумевался какой-либо глагол [Тохтасьев, 2000, с. 308; ср. 2002, с. 74].

Исходя из различных типов списков имен в номинативе на свинцовых пластинках, в которых встречаются, как уже отмечалось, и аналогичные имена из граффито, а также учитывая то, что чашка, скорее всего, была разбита с определенной целью и зарыта в землю на некрополе, можно предполагать, что оно также имело магическое назначение. Его анонимный автор таким образом подвергал заклятию своих врагов. Относилось ли оно только к каким-либо судебным делам в Ольвии, как и на красноглиняной чашке с четким объяснением, однозначно решить трудно, хотя вполне вероятно при наличии столь многих заклятий с перечнем имен без патронимиков на свинцовых пластинках.

Подтверждается это косвенно и тем, что на некрополе на очень близком расстоянии (0,25 см) от чернолаковой чашки с рассматриваемым граффито на той же глубине найдены сложенные в один сверток две фрагментированные свинцовые пластин-

ки, пока что не развернутые и не очищенные. Однако уже сейчас видно, что на обоих имеются надписи. После их реставрации и интерпретации можно будет установить, что они собой представляют – заклятия (так называемые *tabellae defixionum*) или письма. В пользу первого из них свидетельствует тот факт, что именно на территории некрополя на разных глубинах (реже в насыпи могил) преимущественно находили заклятия [с литературой см. Vinogradov, 1994, p. 103-111; Dubois 1996, p. 167-180; Тохтасьев 2000, с. 296-316].

К этому можно также добавить, что на западном мысе № 2, где находился некрополь II в. до н. э. – III в. н. э., по данным раскопок Ю.И. Козуб (1997-2000 гг.), открыт культовый комплекс второй половины IV в. до н. э. Для нас прежде всего представляет большой интерес тот факт, что, видимо, вне прямой связи с этим комплексом были «обнаружены 4 свинцовых свитка-письма» в общем почти одинаковых небольших размеров, не менее важно упоминание автором других интересных находок: «свинцовый свиток-письмо с 8-ми строчной надписью» и светлоглиняная крышка, снаружи и внутри которой находились расположенные по окружности трехстрочные надписи, нанесенные тонкой кистью черной краской [Козуб, 2001, с. 30, 33-34]¹⁵.

Во всяком случае нельзя не заметить, что количество заклятий, в особенности IV до н. э., на свинцовых пластинках в Ольвии постепенно возрастает. Общеизвестно, что подобного типа свинцовые пластинки с заклетиями судебного характера получили наибольшее распространение в Афинах с V-IV вв. до н. э., где они исчисляются сотнями [с литературой см.: Bravo, 1987, p. 185-218; 1995, p. 517-525; Тохтасьев, 2000, с. 297, прим. 2, 48-49]. Это объясняется тем, что здесь благодаря Лаврийским рудникам существовало местное производство свинца; такой металл, естественно, импортировался из Афин и в Ольвию. По всей вероятности, именно отсюда идет широкое использование свинца для изготовления разнотипных изделий как бытового, так и культового назначения, а также для частных писем и заклетий. Ведь разносторонние отношения с Афинами в VI – III вв. до н. э. имели преобладающее значение в экономике и политике, в культуре и религии Ольвии. Кроме того, согласно Ю.Г. Виноградову, «по крайней мере, с IV в. до н. э. ольвиополиты стали во многом копировать афинскую модель судопроизводства, что косвенно могло бы указывать и на вхождение Ольвии в V в. до н. э. в Афинскую архэ, члены которой, как известно, охотно заимствовали отдельные аттические институты, прежде всего юридические» [Виноградов, 1987, с. 14]. В Ольвии уже в начале IV в. до н. э. находилось здание суда в северо-западной части агоры, но в конце этого столетия или немногим раньше на его месте был сооружен значительно больших размеров двухэтажный дикастерий со многими отделениями, который по местоположению и планировке близок к Гелиее афинской агоры [Леви, 1985, с. 92-95].

¹⁵ В предварительной публикации Ю.И. Козуб отметила, что они «до сих пор не развернуты и не прочитаны» [2001, с. 30]. Насколько нам известно, в таком же состоянии они находятся и в настоящее время.

При этом обращает внимание, что в афинских граффито отсутствуют списки имен на целых экземплярах столовой посуды. В монографии М. Лэнг опубликованы три списка имен на керамических черепках и на одном светильнике из раскопок афинской агоры. Из них одно граффито IV в. до н. э. из-за его ретроградного написания она относит к магическим [Lang, 1976, С 32]. Для сравнения с ольвийским граффито на чернолаковой чашке интересен список имен второй четверти V в. до н. э. на обломке стенки амфоры, где написаны в столбик вначале 5 мужских и под ними 2 женских имени в именительном падеже без патронимиков, которые могли бы послужить аналогом для наших имен. Однако, они, как и имена в значительно меньшем количестве, отнесены автором без комментария к группе Names on Sherds [Lang, 1976, D 39]. От ольвийского это граффито отличается все же как тем, что оно прочерчено на черепке, где имена расположены одно под другим, так и тем, что оно найдено на агоре, а не на некрополе. Поэтому, несмотря на различие текстов, ближайшей аналогией публикуемому граффито являются почти синхронные наговор на красноглиняной чашке и заклятия со списками имен в именительном падеже без патронимиков из ольвийского некрополя.

Помимо всего сказанного, нелишне добавить, что имеется множество разнообразных источников, в том числе и граффито, которые сопоставляются с разными видами известных ольвиополитам «практических действий», связанных с магическими воззрениями: сотерической и врачебной, любовной и inferнальной, в том числе и магией судебного характера [с литературой см.: Русяева, 1992, с. 161-171; 2010; Тохтасьев, 2002, с. 74-83]. Относительно граффито на чашке, не зная всех тонкостей магических ритуалов, их формул и символов, которые, кстати, отсутствуют на ней, вряд ли можно достоверно выяснить только по списку столь разнообразных имен тот или иной вид представленного в нем, скорее всего, магического наговора. Что касается конкретных причин, приведших неизвестного ольвиополита к их написанию, то ясно, что они появились не случайно, а в силу его веры в расплату магическим путем над теми, кто ему угрожал: это могло быть связано с крайней враждебностью как со стороны целого ряда его сограждан, в том числе и группой свидетелей в определенном судебном обвинении, так и мстью настроенных против него и доставивших значительные убытки соседям, не исключая и имеющий политическое и общественное влияние в полисе какой-то аристократический род и т. д.

Ведь невзирая на установление демократического строя в начале или первой четверти IV в. до н. э., в Ольвии все еще важную роль играла аристократическая прослойка. К местной аристократии, по общему мнению, принадлежали, с одной стороны, те семьи, предки которых принимали непосредственное участие в основании Ольвии и захватившие не только лучшие земли, но и ключевые позиции в формировании полиса и его государственных структур; а с другой, среди них могли быть и выходцы из исконно знатных родов Милета, участвовавших, а также руководящих колонизационными процессами в Нижнем Побужье, о чем свидетельствуют сходные имена в списках милетских мольпов и создание в Ольвии, по милетскому об-

разцу, религиозного аристократического союза мольпов [Виноградов, 1983, с. 393]. Однако, из этого не следует, что они через несколько поколений при традиционной передаче родовых имен не потеряли накопленных богатств и земельных участков в результате различных обстоятельств, пополнив в какой-то мере и состав рядовых граждан Ольвийского полиса.

Для сравнения можно привести данные изучения В.П. Яйленко состава сохранившихся в большом каталоге имен ольвиополитов III в. до н. э. [IOSPE, I², 201]. Прежде всего им отмечена исключительная чистота греческого антропонимикона, преобладание аристократических и теофорных имен. В итоге автор резонно заключает, что значительное «преобладание в ольвийском каталоге аристократических имен свидетельствует о чрезвычайном консерватизме местного гражданства, об ориентации его на духовные ценности архаической эпохи», о господстве аристократической идеологии в демократическом полисе [Яйленко, 1990, с. 282-283]. Поэтому вряд ли права Т.Н. Книпович, считавшая, что все лица, имена которых сохранились в надписях на свинцовых пластинках и в граффити на посуде (в том числе и посвященные), имели отношение к рядовому городскому населению [Книпович, 1956, с. 123]. Достоверно и точно определить по отдельным именам в списках социальное положение их носителей, профессиональные занятия и то или иное участие в государственных коллегиях не представляется возможным. Поскольку в античном мире магия была близка к религии, медицине и научным познаниям, имела достаточно сложные и разнообразные проявления во многих сферах человеческой деятельности и повседневной жизни, то магические воззрения в той или иной степени были характерны для всех слоев населения: от низших, необразованных до знатных, богатых, образованных [Lloyd, 1984, pp. 1-58; Luck, 1987, pp. 8-12]. Тем более они имели большее распространение в далеких от главных центров культуры периферийных античных городах на северных границах с воинственными кочевыми номадами.

В заключение добавим, что хотя благодаря публикуемому граффито наши знания о магических представлениях населения Ольвийского демократического полиса в IV в. до н.э. не особенно расширились, но тем не менее, несмотря на его малую информативность, дополнились еще одним в своей основе пока единственным и оригинальным списком личных имен, зафиксированным анонимным грамотным ольвиополитом на изношенной чашке. Можно ли такой факт расценивать как его пренебрежение к данным лицам или же он относился уже к обедневшим образованным гражданам, выяснить сложно. Среди их имен выделяются как совсем редкие, так пока и не известные в Ольвийском полисе, судя по доступным нам публикациям. Очевидно, расширившиеся связи с Афинами после победы демократии в этом полисе способствовали популярности некоторых элементов магических наговоров особенно в IV в. до н.э. против представителей всех слоев гражданской общины, в том числе и лиц с аристократическими и теофорными именами. К ним относятся прежде всего заклятия судебного характера на свинцовых пластинках и в меньшей мере на керамике во взаимосвязи с подземными демоническими силами на

некрополе. Граффито впервые вводится в научный оборот и, надеемся, представит интерес как для исследователей ольвийского некрополя, в частности, так и культуры Ольвийского полиса в целом, а также для тех ученых, кто специально занимается изучением малой эпиграфики, ономастики, антропонимии и даже древнегреческой магии. Как бы то ни было, но в ольвийской малой эпиграфике впервые внутри возле венчика чернолаковой чашки из некрополя написано одним автором сравнительно большое количество имен в именительном падеже без отчеств и без сопутствующего текста, что дает повод для разных суждений, гипотез и выводов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белецкий А.А. Греческие надписи Ольвии из раскопок 1950-1967 гг., хранящиеся в Киеве // Ольвия. – 1975. – С. 92 – 117.
- Виноградов Ю.Г. Варвары в просопографии Ольвии VI-V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. – Тбилиси, 1981. – С. 131-148.
- Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. – М., 1983. – Т. 1. – С. 366-420.
- Виноградов Ю.Г. Табличка дикаста из Эрмитажного собрания // Античная балканистика. – М., 1987. – С. 10-16.
- Диль Э.В. Ольвийская чашка с наговором // ИАК. – 1915. – Вып. 58. – С. 40-56.
- Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь-Керчь, 2006.
- Книпович Т.Н. Население Ольвии в VI – I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху (МИА. № 50). – М.-Л., 1956. – С. 119-153.
- Козуб Ю.И. Культурный комплекс западной окрестности Ольвии // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. – Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001. – Часть 2. – С. 29-34.
- Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. – 1904. – Вып. 10. – С. 10-13.
- Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. – Л., 1985.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – Киев, 1974.
- Рубан В.В. Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. – 1982. – № 39. – С. 30-40.
- Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – К., 1992.
- Русяева А.С. Граффити Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2010.
- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. – М.-Л., 1953.
- Тохтасьев С.Р. Рецензия: Laurent Dubois. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont (Ecole pratique des hautes études. Sciences historiques et philologiques III / Hautes études du monde gréco-romain 22). Genève, 1996. 208 pp. // HYPERBOREUS. Studia classica. – Petropoli, 1999. – Vol. 5. – Fasc. 1. – С. 164-192.
- Тохтасьев С.Р. Новые tabellae defixionum из Ольвии // HYPERBOREUS. Studia classica. – Petropoli, 2000. – Vol. 6. – Fasc. 2. – С. 296-316.
- Тохтасьев С.Р. Остракон с поселения Козырка XII ольвийской хоры // HYPERBOREUS. Studia classica. – Petropoli, 2002. – Vol. 8. – Fasc. 1. – С. 72-98.
- Шкортил В.В. Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии // ИАК. – 1908. – Вып. 27. – С. 68-74.
- Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. – 1980. – № 3. – С. 75-116.
- Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990. – С. 249-309.
- Яйленко В.П. Человек в античной Ольвии (очерки социальной истории города) // Человек и общество в античном мире. – М., 1998. – С. 90-129.
- Avram A. An Istriian Dedication to Leto // Black Sea Studies: The Cauldron of Ariantas. – Aarhus, 2003. – I. – P. 87-91.

- Bravo B.* Une tablette magique d'Olbia Pontique, les morts, les héros et les démons // Poikilia. Études offertes à Jean-Pierre Vernant. – Paris, 1987. – P. 185-218.
- Bravo B.* Magia tra virgolette? Sull'antologia di defixiones pubblicata da J.G. Gager // Estratto da Athenaeum. Studi di Letteratura – Storia dell'Antichità. – Pavia, 1995. – N.S. Vol. LXXXIII. – Fasc. II. – P. 517-525.
- Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. – Genève, 1996.
- Lang M.* Graffiti and Dipinti // The Athenian Agora. – Princeton – New Jersey, 1976. – Vol. XXI.
- Lloyd G.E.R.* Magic, Reason and Experience // Studies in the origins and development of Greek Science. – Cambridge, 1984. – P. 1-58.
- Luck G.* Arcana mundi: Magic and the Occult in the Greek and Roman World. – London, 1987.
- Sparkes B.A., Talcott I.* The Black and Plain Pottery of 6-4 th. Centuries // The Athenian Agora. – Princeton – New Jersey, 1970. – Vol. XII.
- Vinogradov Ju. G.* New Inscriptions on Lead from Olbia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – 1994. – 1. – P. 103-111.
- Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. – Mainz, 1997.

А.С. Русяева, А.В. Івченко

НОВЕ ГРАФІТО З НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВІЇ

Резюме

Стаття присвячена всебічному розгляду оригінального графіто з розкопок некрополя Ольвії 2013 р. На внутрішньому боці аттичної чорнолакової чашки під вінцем продрапано у верхньому рядку по окружності сім чоловічих імен у називному відмінку без патроніміків: $\text{HPO}\Phi\Lambda\text{O}\Sigma$, $\text{A}\Theta\text{H}\text{N}\text{A}\text{I}\text{O}\Sigma$, $\text{A}\Gamma\text{A}\Theta\text{A}\text{P}\text{K}\text{O}\Sigma$, $\text{A}\text{H}\text{T}\text{O}\Delta\text{P}\text{P}\text{O}\Sigma$, $\text{D}\text{I}\text{O}\text{K}\text{A}\text{N}\Sigma$, $\text{E}\text{O}\text{K}\text{A}\text{N}\Sigma$, $\text{A}\text{P}\text{X}\text{I}\text{B}\text{I}\text{O}\Sigma$; внизу безпосередньо під – ще три імені: $\text{E}\text{O}\text{B}\text{O}\text{Y}\Lambda\text{H}$, $\text{T}\text{Y}\text{K}\text{O}\text{T}\text{A}$, $\text{D}\text{I}\Delta\text{O}\text{P}\text{P}\text{O}\Sigma$, з яких два перших тільки гіпотетично розглядаються як жіночі. Авторами дається стислий коментар для кожного з імен. Одні з них були раніше зафіксовані в ольвійських епіграфічних пам'ятках, інші відносяться до рідкісних, половина з них вперше відмічена саме у цьому списку і така ж кількість є теофорними від імен Зевса, Гери, Афіни та Лето. За аналогіями, перш за все відносно синхронними списками імен на свинцевих пластинках (*tabellae defixionum*) та на червоноглиняній чашці з наговором з ольвійського некрополя, припустимо, що нове графіто також становить один з типів давньогрецької магії, не виключаючи і закляття судового характеру. Загалом воно вперше вводиться до наукового обігу, доповнює не тільки антропонімікон Ольвії, а й всього понтійського ареалу; становить значний інтерес для подальшого вивчення як некрополя, так і культури Ольвійського демократичного полісу, зокрема магичних уявлень його населення у взаємозв'язку з потойбічним світом у IV ст. до н. е.

А.С. Русяева, А.В. Ивченко

НОВОЕ ГРАФФИТО ИЗ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

Резюме

Статья посвящена всестороннему рассмотрению оригинального граффито из раскопок ольвийского некрополя в 2013 г. Внутри аттической чернолаковой чашки ниже венчика прочерчено по окружности в верхнем ряду семь мужских имен в именительном падеже без патронимиков: ΠΡΟΦΙΛΟΣ, ΑΘΗΝΑΙΟΣ, ΑΓΑΘΑΡΚΟΣ, ΑΗΤΟΔΩΡΟΣ, ΔΙΟΚΛΗΣ, ΕΟΚΛΗΣ, ΑΡΧΙΒΙΟΣ; внизу непосредственно под ним – еще три имени: ΕΟΒΟΥΛΗ, ΤΥΚΟΤΑ, ΔΙΑΩΡΟΣ, из которых два первых сугубо предположительно рассматриваются как женские. Авторами дан краткий комментарий каждого из имен. Одни из них были ранее зафиксированы в ольвийских эпиграфических памятниках, другие относятся к редким, а половина из них впервые отмечена именно в данном списке и столько же являются теофорными от имен Зевса, Геры, Афины и Лето. По аналогии, прежде всего с относительно синхронными списками имен на свинцовых пластинках (*tabellae defixionum*) и на красноглиняной чашке с наговором из ольвийского некрополя, предполагается, что новое граффито также относится к одному из видов древнегреческой магии, не исключая и заклятие судебного характера. В общем оно впервые вводится в научный оборот, пополняет не только антропонимикон Ольвии, но и всего понтийского ареала; представляет значительный интерес для дальнейшего изучения как некрополя, так и культуры Ольвийского демократического полиса, в частности магических представлений его населения во взаимосвязи с загробным миром в IV в. до н. э.

A.S. Rusaeva, A.V. Ivchenko

A NEW GRAFFITO FROM OLBIA NECROPOLIS

Summary

Article is devoted to a comprehensive review of the original graffito from Olbia necropolis excavations in 2013. Seven boys' names in the nominative without patronymics: ΠΡΟΦΙΛΟΣ, ΑΘΗΝΑΙΟΣ, ΑΓΑΘΑΡΚΟΣ, ΑΗΤΟΔΩΡΟΣ, ΔΙΟΚΛΗΣ, ΕΟΚΛΗΣ, ΑΡΧΙΒΙΟΣ are drawn in a circle in the top row inside the Attic black-lacquer cup below the rim; three more names: ΕΟΒΟΥΛΗ, ΤΥΚΟΤΑ, ΔΙΑΩΡΟΣ, of which first two names are considered as purely presumably female, are drawn below directly beneath it. The authors give a brief comment to each of the names. Some of them have been previously recorded in Olbian epigraphic monuments, others are rare, and half of them have been met for the first time in this list, and the same names are theophoric ones of Zeus, Hera, Athena and Leto. By analogy, primarily with respect to synchronous lists of names on the lead plates (*tabellae defixionum*) and a red-clayed cup with a hex from Olbia necropolis, it is assumed that the new graffito also refers to one type of ancient magic, not excluding the spell of a judicial nature. It has been introduced in the scientific circulation for the first time. It does not only replenish antroponimikon of Olbia, but the whole Pontic area; it is of considerable interest for further study both the necropolis and culture of Olbian democratic policy, its magical views of the population in particular in relation to the world beyond the grave in the 4th century BC.

1

2

Рис. 1.

1 – аттическая чернолаковая чашка; 2 – граффито на внутренней стороне чашки (фото).

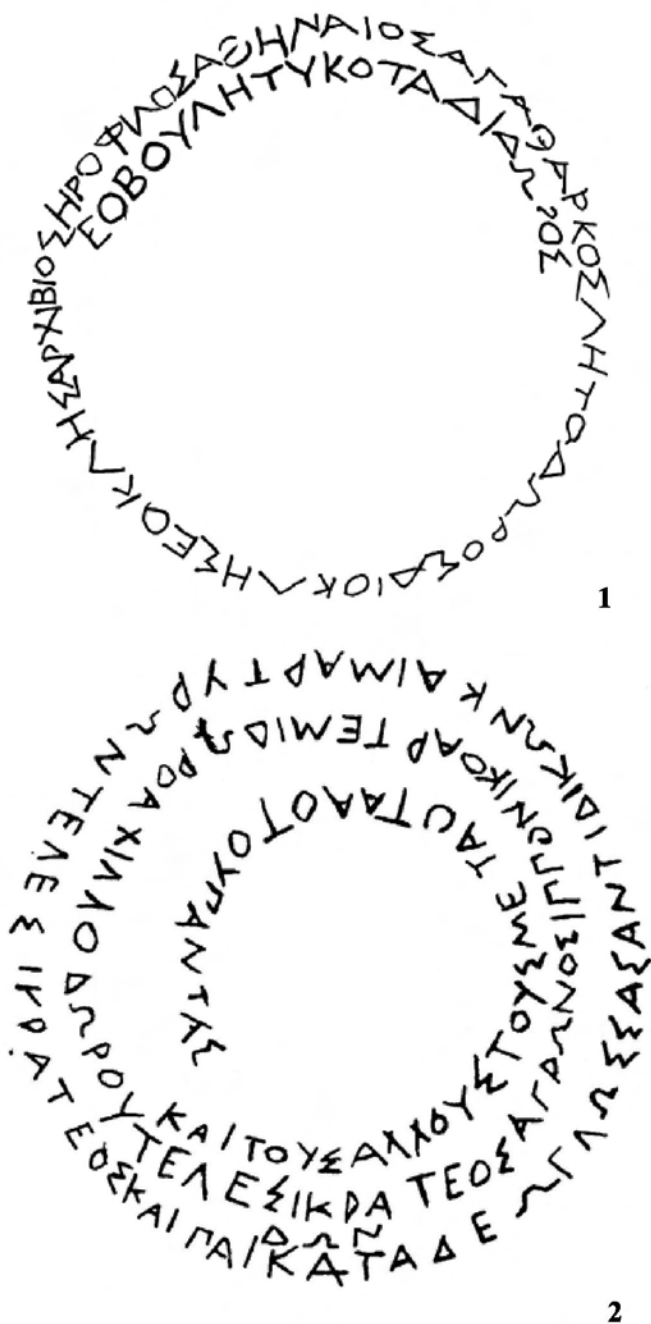

Рис. 2.

1 – граффито на чернолаковой чашке (прорисовка); 2 – граффито на дне красноглиняной чашки из некрополя (прорисовка, по И.И. Толстому).